

Наталья Пушкарева, Александр Жидченко

Зарубежные исследования советской женской повседневности¹

DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_345

Seasoned Socialism: Gender and Food in Late Soviet Everyday Life / Ed. by A. Lakhtikova, A. Brintlinger, I. Glushchenko.

Bloomington: Indiana University Press, 2019. — XXII, 373 p.

Пищ М. Soviet Women — Everyday Lives.

L.; N.Y.: Routledge, 2020. — VIII, 211 p. — (Routledge Studies in the History of Russia and Eastern Europe; Vol. 32).

McKinney J. Russian Women and the End of Soviet Socialism: Everyday Experiences of Economic Change.

Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. — XII, 285 p.

В антропологии советской повседневности гендерный аспект играет особую роль, поскольку обыденное и малоприметное в быту лучше схватывается и сохраняется женской памятью, да и сама женская повседневность существенно отличалась от мужской в силу большей загруженности бытовыми заботами. В этом обзоре мы рассмотрим три монографии, посвященные женской повседневной жизни в СССР: сборник статей «Приправленный социализм: гендер и еда в позднесоветской повседневности» под редакцией А. Лахтиковой, А. Бринтлингер и И. Глущенко, монографию Мелани Илич (Глостерширский университет) «Советские женщины — повседневная жизнь» и монографию Джудит Маккини (Индианский университет) «Русские женщины и конец советского социализма: повседневный опыт экономических перемен».

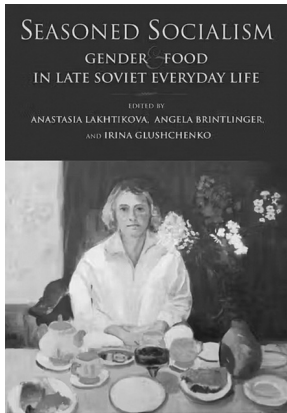
Гендерные характеристики советского питания глазами российских и зарубежных культурологов

Несмотря на советскую социальную политику, направленную на освобождение женщин от домашнего кухонного труда, патриархальное представление о роли женщины в домашнем хозяйстве оказалось удивительно устойчивым и прослеживается на протяжении всего советского периода. Иными словами, приготовление пищи было не досугом женщины, а трудом, определявшим устойчивость семейных отношений и саму семью как благополучную и крепкую. Авторы коллективного труда «Приправленный социализм: гендер и еда в позднесоветской повседневности»² стремятся показать, что исследование добывания, приготовления и потреб-

1 Исследование поддержано грантом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 075-15-2022-328.

2 Слово *seasoned* может быть переведено как 'закаленный', 'бывалый', 'опытный' и как 'приправленный' — в гастрономическом смысле, который и подходит лучше всего к исследованию по антропологии питания.

ления пищи способно не только пролить свет на женскую историю страны в послевоенные и последующие годы, но и помочь понять истоки культурных ценностей советского и постсоветского общества. Кроме того, сборник позволяет судить о том, какие возможности открывают еда и способы ее приготовления перед исследователями мужской и женской идентичностей, а также дружеского, приятельского (по сути сетевого) взаимодействия в позднем советском обществе.

В предисловии выделены три главные особенности советской системы накармливания — так можно перевести английский термин *foraging*; в это понятие входят обеспечение продуктами питания, их хранение, обработка, доставка потребителям и, наконец, приготовление пищи. Первая особенность — дефицит, вторая — погоня за редкими и считавшимися престижными (прежде всего импортными) продуктами, третья — творческий подход к кулинарным практикам по принципу «голь на выдумку хитра». Вторая и третья особенности проистекают из первой. Кроме того, дефицит породил и один из важнейших социальных феноменов СССР — очереди, которые сегодня видятся как институт межличностной и межгендерной коммуникации,

как инструмент стирания классовых различий и исторически сложившийся преимущественно женский формат практического использования условно-свободного времени для обеспечения семьи продуктами питания (в сборнике приводится и анализируется наблюдение Л. Гинзбург: «...мужчина в очереди чувствует себя случайным индивидом, женщина — представителем коллектива»³).

Разумеется, «привилегированная» столичная повседневность отличалась от провинциальной. В последней разрыв между обещаниями и реальностью был особенно явен, и неспособность достойно накормить советских граждан, освободив при этом женщин от их традиционных кухонных обязанностей, становилась шокирующе очевидной, а противоречия между официальным дискурсом, описывавшим достижения в области облегчения домашней жизни женщин, и реальностью их повседневности казались непреодолимыми.

Советская женщина была не просто «советским человеком» (гражданином и работником), но также еще и домохозяйкой, выполнявшей функции психолога, воспитателя, клинера, супруги и матери, а подчас еще и «добытчицы». В то же время массовая культура и пропаганда наделяла советских женщин рядом черт, весьма далеких от этих функций, придавая им романтический образ. Критика советских гендерных отношений в отечественном кино была слабой, поскольку исходила, как отмечают составители сборника, преимущественно от мужчин-продукосеров, работавших в традиционной парадигме и принимавших за норму существовавший гендерный контракт, в котором женщине отводилась обслуживающая роль. Критика женской загруженности домашней работой сводилась в советском кино к скрытым упрекам в адрес самих женщин, строивших карьеру и оттого слишком занятых, чтобы сохранять за собой роль «семейных кормилиц». Как пишет Ирина Глущенко в статье «“Я ненавижу готовку!”: эмансипация и патриархальность в позднесоветском фильме», вопрос о праве женщины на самоопределение в счастливой одинокой жизни (и праве готовить для себя одной, для своего удовольствия) никогда не поднимался в официальном дискурсе и не был отражен ни в одном фильме (с. 5).

3 Гинзбург Л.Я. Проходящие характеры: Проза военных лет; Записки блокадного человека. М.: Новое издательство, 2011. С. 334.

Эта связь советской системы распределения продуктов питания с гендерным дисбалансом в СССР — один из лейтмотивов сборника.

Указанные противоречия между советской пропагандой и реальной повседневной жизнью нашли отражение и в женских рассказах, собранных при подготовке книги (в основном в крупных городах). Опубликованные выдержки из них, касающиеся индивидуального опыта приобретения продуктов, очередей, необычных приемов в приготовлении блюд, раскрывают гендерную идентичность рассказчиц и специфику женской социальной памяти с ее (порой незаметной для самих участниц проекта) ностальгией по советскому.

Сборник характеризуют ориентация на феминистскую теорию и восприятие советских реалий времен хрущевской оттепели и брежневского застоя с позиции западной социально-экономической модели. Авторы выявляют гендерные асимметрии как в распределении материальных благ, так и в массовой культуре, пропитанной гендерными стереотипами. Один из их выводов состоит в том, что в СССР социальный статус членов семей зависел не столько от суммы дохода, производимого домохозяйством, сколько от того, как работа супруга или супруги позиционировалась по отношению к центрам распределения продуктов питания и услуг. Скажем, инженер с кандидатской степенью зарабатывал больше начальницы пункта приема стеклотары и вторсырья, однако мог иметь более узкий доступ к благам — от квартиры до дефицитных товаров. Этот аспект советской экономики влиял на возможности обеспечения членов семьи в том числе и продуктами питания и противоречил классической западной идее общественной иерархии, основанной на доходах (с. 8).

Исследование «приправленного социализма» позволяет узнать, как советские женщины — кормилицы своих семей — обходили многочисленные общественные и классовые запреты и ограничения, лишь бы пробиться к желанным «центрам распределения». В этой борьбе, как отмечают авторы (ссылаясь на отечественных социологов-феминистов⁴), женщины часто оказывались удачливее и влиятельнее мужчин. В то время как советская власть посредством контроля над производством и потреблением пыталась манипулировать обществом, устанавливая правила и выстраивая иерархии, женщины учились обходить их и конструировать удобные для себя бытовые привычки, складывавшиеся в женскую обыденность, повседневность. «Именно из-за постоянного дефицита правительство быстро выработало политику кнута и пряника, при которой выдача или невыдача продовольственных пайков становились весьма мощным инструментом навязывания воли и манипулирования людьми»⁵.

Жившим в СССР особенно понятно и памятно все, что связано с женским взаимодействием в поиске доступа к пищевым продуктам (очереди, списки на получение товаров по блату и т.д.); авторы назвали эту женскую ответственность за их добывание, обработку и заготовку «кропотливой и вездесущей», то есть отнимающей силы и время. Если тема женского досуга (и неравенства мужского и женского свободного времени) на Западе хорошо изучена, то имеющие большое значение для феминистской антропологии вопросы об эмансипации советских женщин, об их (не)готовности уделять больше времени себе, чем накармливанию членов семьи, о распределении домашнего труда в социалистической системе оказыва-

4 См.: *Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А.* Что такое «маскулинность»? Понятнейные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2018. № 6. С. 48—73.

5 *Heretz L.* The Practice and Significance of Fasting in Russian Peasant Culture at the Turn of the Century // *Glants M., Toomre J.* Food in Russian History and Culture. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 80.

ются малоизученными в силу парадоксального противоречия. Экономическая ситуация в послевоенном СССР, социальный оптимизм женщин (столичных и провинциальных), их готовность жертвовать собой ради благополучия близких затрудняют интерпретацию советского эмансипаторного проекта, делая устоявшиеся западные феминистские подходы неприменимыми.

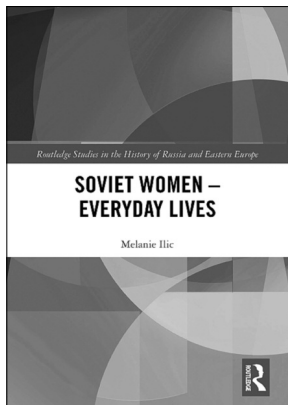
Составители отмечают, что растущий научный интерес к подобным кейсам, помимо социологии и этнографии, предполагает соединение целого ряда дисциплин, в которых работают исследователи позднесоветского и постсоветского периодов. Закономерности, выявленные при анализе того, как люди взаимодействовали с навязанной системой на базовом уровне ее жизнеобеспечения, полезны и для понимания других, не связанных с кулинарией сюжетов. Речь идет, например, об индивидуальном выборе, отраженном в кулинарных нарративах и практиках: его можно рассматривать в соотношении с ограничивающей его системой, бесконечно расширяя горизонты социологии выбора применительно ко всем обществам. При этом следует учесть многочисленные «разрушения социальной ткани в советской истории» (с. 15). Так авторы назвали бесконечные ломки, лиминальные периоды, систематическое лишение почти всего, что одно поколение могло унаследовать от другого, приведшее к «утрате унаследованного культурного вкуса» (там же). Женщины и мужчины на всем протяжении советской истории постоянно что-то теряли, а иногда и все, что «могли бы получить в наследство от своей семьи, как с точки зрения символического, так и материального капитала» (там же). На замену унаследованному приходила легитимизированная властью массовая культура, в которой через журналы, книги «о вкусной и здоровой пище» и фильмы (не только советские, но и западные, прежде всего итальянские и французские) конструировали новые представления об идеальной пище, идеальном праздничном и обыденном столе, желанной кулинарной (и не только) повседневности, причем представители власти и авторы книг брали на себя «роль воспитателей и образцов хорошего («правильного») вкуса во всем» (там же). В этом смысле для советских граждан классическая русская культура (литература, песни и фильмы о сельской жизни в СССР второй половины XX в., в частности 1970-х гг.) подменяла и историю, и прошлую реальность, предоставляя «сырой» материал для воображаемой традиции, связанной с гендерными ролями и культурой питания. В ней, согласно наблюдениям И. Глушенко, «дом становился для женщины второй работой»: «Когда женщина приходит домой с работы, она начинает новую рабочую смену. И если сама работа (с учетом проезда в обе стороны) составляет 40—45 часов в неделю, то домашняя нагрузка — 25—30 часов в неделю» (с. 59). Отсутствие бытовой техники, стесненные жилищные условия, нехватка продуктов питания настолько осложняли жизнь женщин, что никакой профессиональный успех не компенсировал разочарований и не избавлял от необходимости покупать продукты, готовить еду на всех, стирать и убирать квартиру.

На материале фильмов «Москва слезам не верит» (реж. В. Меньшов, 1979), «Берегите мужчин» (реж. А. Серый, 1982) и «Время желаний» (реж. Ю. Райзман, 1984) Глушенко выделила три модели внутрисемейных отношений у представительниц разных социальных слоев советского общества, ни в одной из которых, впрочем, женщина не была показана счастливой. Автор доказывает это, анализируя женские социальные роли в их отношении к еде и накармливанию близких и показывая, в частности, как первый из фильмов невольно подтверждал аксиому: в отсутствие мужа женщине легче достичь карьерного роста и стать директором фабрики, в противном случае мужчине пришлось бы кормить, обстирывать и «ждать наготове». Такой пример визуально-антропологического анализа оказался очень удачен для характеристики женской истории страны.

Все внимание авторов оказалось сосредоточено на советской повседневности с конца 1960-х по первую половину 1980-х. Именно эти годы отложились в неформальной социальной памяти как самые сытые десятилетия, именно они подпитывают современную советскую ностальгию. Кризисные же явления, связанные с дефицитом, блатом, гендерными асимметриями и дисбалансами социальной иерархии проявились позднее, в годы перестройки, когда «павловская» денежная реформа, одна из немногих попыток политического руководства спасти экономику страны, обнажила глубокие противоречия в потреблении продуктов питания и товаров первой необходимости. Однако гендерные отношения в этот лиминальный период середины — конца 1980-х гг. остались за рамками исследования.

«Повседневная рутина и общественные активности, жизненные амбиции и взгляды на жизнь»: характерные детали социального поведения советских женщин

Монография Мелании Илич «Советские женщины — повседневная жизнь», посвященная женским бытовым практикам послевоенного периода, представляет собой обобщение предыдущих разысканий автора в области советской женской истории с добавлением новых данных, собранных ею в провинциальных городах российской провинции в 2010-е гг. Илич сосредоточивается на общественной стороне женской повседневности и показывает значимость такого большевистского проекта, как женсоветы. Автор убеждена, что они выполнили свою функцию, сумев отвлечь женщин от домашней рутины и вовлечь в обсуждение общественных и даже политических вопросов. Тема «нового быта» 1950—1960-х гг., оснащенного желанной и нужной для женщин техникой, стала одной из основных в публикациях англоязычных специалистов по истории частной жизни в СССР именно с подачи Илич: она писала об этом и в обобщающих работах по истории хрущевской оттепели, и в исследованиях невидимой властям частной домашней жизни, «кухонных споров», сформировавших советское диссидентство⁶.

Отойдя в новой книге от сугубо оттепельной проблематики, Илич вышла на простор широких обобщений — рассмотрела эволюцию женской повседневности за все время существования СССР. Но метод остался прежним: анализ локальных проблем и кейсов, в том числе скрытых, отображенных скорее в глубоко частных нарративах, чем в открытом дискурсе. Автор поставила перед собой задачу соотнести подробности повседневности, зафиксированные в эго-документах и индивидуальной памяти, с драматичной картиной советской жизни, постоянно диктовавшей необходимость преодолевать житейские испытания, вызванные политическим контекстом и отношением власти к человеку.

«Нарративные тексты и сценарии, которые составляют исходную базу для этого исследования, — оговаривает Илич, — в основном представляют собой рассказы из первых рук; эти истории, письма и размышления ни в малейшей степени

6 См., например: *Ilič M., Smith J. Soviet State and Society under Nikita Khrushchev*. L.; N.Y.: Routledge, 2009. P. 108—112.

не связаны с задачами глубокого теоретического анализа советской системы» (с. 2). Она сосредоточена на том, что сами рассказчицы выделили в своей жизни, на каких ее особенностях остановились. Ей важно понять, каковы были их жизненные амбиции полвека тому назад, каково было их отношение к своему домашнему быту, чтобы зафиксировать индивидуальные личные оценки по дневникам и устным интервью, не интерпретируя их с позиций современной науки. Иными словами, ей важно было углубиться во внутренний мир респонденток, в те переживания, что сопутствовали выработке стратегий поведения, формировали практики этих женщин.

Этот подход сближает монографию с художественной публицистикой или прозой, основанной на реальных нарративах; не случайны многочисленные отсылки на ее страницах к книгам Светланы Алексиевич, не позволяющей себе говорить вместо тех, чьи истории она записывала, чтобы сделать их голоса услышанными. Сбор информации о подробностях бытовой повседневности, выявление и анализ перемен в обыденных стереотипах и нормах поведения (прежде всего женского) противостоят историографическому фокусу на «больших» общественно-политических процессах. Илич стремится показать значимость индивидуальных субъективных мнений, на которые, по ее же словам, редко обращают внимание даже в популярных исторических изданиях.

Итак, перед читателем предстает мозаика воспоминаний представительниц разных (порой полярных) социальных слоев — от представительниц дипломатических ведомств и иностранок, вышедших замуж и выбравших жизнь в СССР, до невест и жен советских военных, от перебежчиков и эмигрантов до гидов «Интуриста», от известных и знаменитых деятелей литературы и культуры и чиновников высшего и среднего звена до подозреваемых в шпионаже, ссыльных, депортированных и беженцев, от жен и дочерей сотрудников тайной полиции и супруг партийных активистов до разочарованных членов Компартии, выбравших диссидентство. В ее пафосе и главной идее монография перекликается с «Приправленным социализмом»: в ней тоже «настоящая русская женщина» предстает опорой домашнего хозяйства в любом социальном слое, страте или общественной группе; приученной к неудобствам и лишениям и стоически, без жалоб их переносящей.

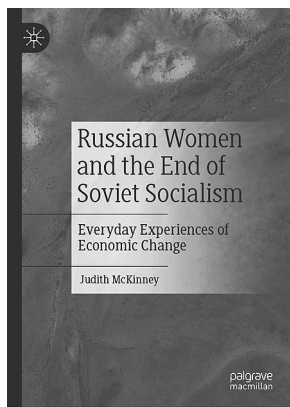
О том, какие аспекты повседневной жизни выделяет Илич, можно судить по названиям десяти глав: «Рожденные в СССР: советская идентичность», «Счастливое детство», «В поисках любви», «Эмансипация и равенство», «Здоровье и благополучие», «Репродуктивное здоровье и материнство», «Расходы по-советски», «Обычаи, ритуалы и суеверия до и после 1917 г.», «Поход на Запад». Среди них нет религиозного вопроса, проблемы этнокультурных различий, темы социальных девиаций и др., но кое-что все же освещается по ходу дела. Так, специально не выделенная тема внешнего вида (женская одежда, косметика, прически) раскрыта достаточно подробно. Правда, образ получился скорее столичный, поскольку составлен в основном по свидетельствам представительниц семей дипломатов, творческой и партийной интеллигенции, имевших доступ к зарубежным поездкам, командировкам, общению с эмигрантами и иностранцами. Зато мало представлена тема женского сексуального поведения в его связи с общей спецификой повседневной жизни, несмотря на то что советская контрацептивная практика и вообще репродуктивное здоровье практически полностью относились к сфере женской ответственности. Тема гомосексуальности представлена очень скромно, почти не раскрыта на материалах эго-документов.

К сожалению, в книге совсем не видна граница между городским и сельским женским бытом: в повествовании смешаны воспоминания крестьянок из колхозов средней полосы и представительниц московской и ленинградской интеллигенции.

Этот дисбаланс особенно бросается в глаза в параграфе, посвященном сохранению привычки посещать бани.

Русские женщины в годы перестройки

Книга Джудит Маккини «Русские женщины и конец советского социализма: повседневный опыт экономических перемен» посвящена эпохе перестройки, «горбачевской эре», времени гласности и демократизации жизни. В отличие от социологов и политологов, исследователи повседневности не часто обращаются к этому периоду, полному сложных социальных трансформаций и кризисных явлений, отразившихся на жителях как столицы, так и провинции.

Маккини впервые посетила СССР в 1968 г. (как аспирантка, получившая месячную стажировку в Ленинграде), а затем вновь приехала в Россию в конце 1990-х гг.: по документам и рассказам респондентов она решила составить собственное мнение о переменах, произошедших за тридцать лет. По ее словам, эти перемены были для нее культурным шоком (с. VII). Как и в случае Илич, главным источником ее новой книги послужили эго-документы, притом не опубликованные, а собранные летом 2010 г. в Ярославле, а также в последующие годы в других российских городах. Начав с описания «советской системы перед ее падением», автор углубляется в анализ бытовых проблем живших в то переходное время: «Рост цен и нерегулярная заработная плата», «Стратегии выживания», «Формальные и неформальные рабочие места», «Работа на себя: предприятия малого бизнеса»... Маккини показывает, насколько резко выявилось экономическое неравенство, как обострились межэтнические конфликты и т.д. И каждый раз на первом плане женские жизни, то есть повседневный мир женщин в условиях стремительной трансформации экономической модели.

В противовес расхожим в то время на Западе оценкам поздней и постсоветской повседневной жизни, автор пришла к выводу, что, оказавшись в столь сложных условиях, женщины в России смогли не просто выжить, но и умело адаптироваться к новой реальности, хотя порой эта адаптация не была безболезненной. Молодым она давалась легче, более старшим — труднее. Различия в тональности воспоминаний о том времени Маккини объясняет социальным положением респонденток, разным отношением к материальному комфорту, политическим переменам и интеллектуальной свободе. Одним запомнились практические трудности в уходе за детьми, другим — поиски работы и борьба за сохранение рабочего места, дававшего стабильный доход. Кто-то не задерживался на экономических трудностях 1990-х, переходя к другим темам; например, говорил о взрослеющих детях, «которые ныне скорее «дрейфуют» в обществе, не соблюдая ни одной из старых норм поведения и не испытывая от этого минимального стыда» (с. 37). Хотя большинству респонденток и удалось «сориентироваться» в новой жизни, но зачастую они относятся к старой системе с долей ностальгии.

В параграфе «Женщины сильнее мужчин» автор рассматривает усугубление дисбаланса гендерных ролей — появление в позднесоветском социуме сильных, независимых женщин, выполнявших вдобавок ко всему всю работу по дому, и слабых мужчин, употреблявших алкоголь и избегавших этой работы. Согласно выводу

Маккини, кризис рубежа 1980—1990-х гг. сильнее ударил по мужчинам, сломив многих из них, тогда как женщины, ответственные за выживание семьи и детей, оказались более стойкими. Впрочем, нашлось несколько респонденток, не согласившихся с тем, что именно на их плечи легла вся ответственность. Это скромное меньшинство настаивало, что безработица, безденежье и отсутствие социального оптимизма были пережиты супругами вместе. Впрочем, эти заинтересовавшие Маккини ответы едва ли должны производить впечатление.

* * *

По прочтении всех трех книг можно заметить, что сразу нескольких западных исследовательниц устноисторического материала, касающегося первых послевоенных десятилетий, перестройки и постсоветского периода, озадачила выявленная ими ностальгия по советскости — возникший после всех обидных несовершенств советской жизни (дефицита, блата, кумовства, «железного занавеса» и т.д.) позитивный образ прошлого, навеянный, конечно, массовой культурой и идеологией, но и укорененный в собственном опыте юности и молодости. Бывшие советские женщины запомнили в прошлом атмосферу подлинности, искренности, теплоты и душевности. Они явно ностальгируют по тогдашней уверенности в завтрашнем дне, торжеству справедливости в фильмах и ощущению братства народов.

Эта озадаченность западных исследовательниц объясняется, вероятно, тем, что собранные ими материалы по исторической антропологии и истории женской повседневности в России формируют особый, дистанцированный во времени и в пространстве взгляд зарубежных авторов, описывающих советское общество в традициях западного культурного подхода к российской повседневности. В западной историографии советские женщины традиционно изображались жертвами, вынужденными рожать против воли, нести ответственность за семью и вдобавок работать наравне с мужчинами. Многочисленные нарративы, легшие в основу трех рассмотренных книг, явили не только эмоциональные рассуждения советских женщин, но и субъективную позицию исследовательниц, задававших своим респонденткам «нужные вопросы». Делая акцент на негативной стороне советской действительности (гендерном неравенстве, бедности, уравниловке и т.д.), они едва ли учитывали, что не это делало советских женщин счастливыми или несчастными, а скорее глубинные индивидуальные переломы женских судеб и интимные переживания, оставшиеся за кадром их повествований.